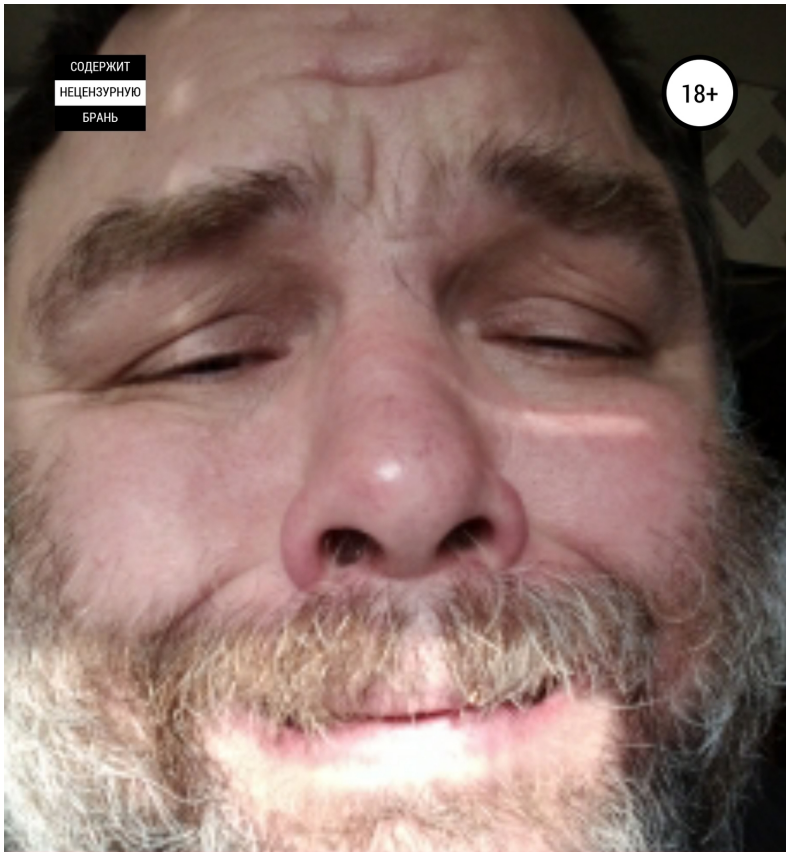

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антонов Иван

Сентиментальные заметки депрессивного гитариста

Иван Андреевич Антонов

Сентиментальные заметки депрессивного гитариста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54132661

SelfPub; 2020

Аннотация

Байки, рассказанные музыкантами, даже, если речь в них идёт не только о музыкантах, имеют одну интересную особенность. Они и циничны и сентиментальны одновременно. А объяснение очень простое: музыкант не может быть не циничным, иначе он сойдёт с ума от ежедневных эмоциональных переживаний. (представьте человека, который каждый вечер из оркестровой ямы наблюдает смерть Джульетты, или Джильды.) Но, всё же, совсем без эмоций нельзя играть даже на большом барабане на похоронах. Скорбящие родственники, наверняка обратят внимание на цинизм, исходящий из сильной доли. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Мерзавчик.	4
Гомосеки	13
Пьяный мужик №2.	16
Пьяный мужик №3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мерзавчик.

Узнал её со спины (открывала дверь в подъезд). В самом раннем детстве дружили. Так дружили, что даже пиписьки друг другу показывали. Насколько я помню, это высшая и последняя степень доверия у детей. Прибавил ход. До неё шагов десять осталось. Сейчас догоню, а там алгоритм действий, думаю, такой: сначала не узнает меня. Потом обрадуется, потом удивится. Мол, «Ваня, каким ты стал, а это у тебя что? Гитара? Так ты музыкант? Как здорово! Как интересно! Везёт тебе, а я – бухгалтер. А помнишь, пиписьки друг другу показывали?» Это я почему так радостно предвкушал? Грамм 350, потому что во мне сидело. А мужчина, в котором от 150 до 400 граммов думает, что он чудо, как хорош. И главное, что время (лет 40-50) его только улучшило. Вдобавок, я с очень занятой работы ехал. Всю дорогу ржал. Дело в том, что один коррумпированный чиновник решил поздравить тещу с днём ангела. Вообще, миф о том, что у нас унылые, скучные чиновники, не имеющие никакой фантазии, пора развенчать со всей пролетарской жестокостью. Так вот, он, чиновник, отвёз свою тещу в охотничий домик в соседней области, посадил нас, музыкантов, в кусты, рядом с кустами поставил стол с самоваром и баранками, и накормил тещу завтраком. Тёща, надо сказать, очень живо реагиру-

ла на баранки и наше творчество. Даже позволяла себе лаконичные комментарии, после каждой композиции. Например: «Да... Это было романтично», или, – «Неожиданно весело вышла у вас эта интерпретация!», или, – «А ведь это же Свиридов, Георгий Васильевич? Ну, шутники! Ну, затейники!» И всё это она говорила в кусты, где мы прятались. Мы же сюрприз, блять!

И вот я возвращаюсь с халтуры этой, радостный такой, «нарядный». Увидел её. И всё в голове моей хмельной смешалось. Попытался, даже, формулировать особенности нашего сегодняшнего выступления, «Тёща такого человека» ... Стишок вспомнил, который о работе своей написал:

У меня есть мечта, ну, «ай хэв», типа «дрим»!

Я хочу, чтоб на мой день рожденья,

Песню «Больно мне, больно!», Казаченко Вадим

Спел мне за воз награжденья.

Ради этой мечты пру по трупам с говном,

Хоть пути, может, были иные,

И внимают чиновники за столом,

В основном, коррумпированные.

Но кровавые деньги не долго карман

С ляжкой жгут, и ничтоже сумняшишь,

То пропью гонорар, то крестьянам раздам,

Предварительно, ясно, нажравшись.

И т. д.

И не успел я предвкусить наш диалог, как споткнулся, и начал падать... Упасть можно очень быстро. Это если речь идёт о вертикальном падении. Но я падал почти горизонтально... Долго... При этом, скорость моя увеличивалась как по горизонтали, так и по вертикали. И чем дольше я пытался вырваться, тем меньше было шансов обойтись минимальными травмами. У меня было два варианта: 1 Насильственным образом оборвать этот ужас, и шмякнуться оземь. 2 Найти препятствие и шмякнуться об него. Но, ближайшим таким препятствием была она... Невольно вспомнилась строчка из «Анны Карениной», – «Она хотела подняться, от-

кинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. "Господи, прости мне все!" ...

Итак, всё-таки, вариант номер один... Я вешу 135 килограммов. Когда я начинаю падать рядом с людьми, даже если им меня не видно, они звериным каким-то образом чувствуют приближение беды. Вероятно, так птицы чувствуют скорое землетрясение, а рыбы приближение цунами. Она медленно (гораздо медленней, чем я летел) начала оборачиваться. Да, забыл рассказать ещё об одном отягчающем: у меня в руке были 100 граммов водки. Знаете, такие маленькие, красивые бутылочки. «Мерзавчики» называются. Во мне 350, в руке 100. Позитивный должен был быть вечерок... В общем, я летел, она оборачивалась, рука с «мерзавчиком» инстинктивно поднималась вверх. Там безопаснее. Когда я с грохотом приземлился, сжимая в вытянутой руке бутылочку, она уже кричала. Не смотря на скомканное начало, я, почему-то продолжал предвкушать диалог. Видимо стыд, – чувство, нуждающееся в разгоне. А когда она перестала кричать, и узнала меня (может, наоборот), я, морщась от боли, немного сумбурно, произнёс часть каши из моей взболтанной головы, «Музыкант... Тёща такого человека...»

– Ваня... Каким ты стал? Какая тёща? А, твоя тёща музыкант? А это что?

– Мерзавчик.

– Да нет, вон, в луже валяется... Ах, это же гитара! Это тёщина? Вот попадёт же тебе за неё! Бедненький... Надо же... Жалко как...

Желание продолжать разговор и выводить его на пиписы-ки улетучилось.

Фарш

Дети любят «фарш».

И чем кровавее, тем лучше. Я этим пользуюсь. Так, например, у меня теперь есть коллега по увлечению. Лет пять назад я заново открыл для себя Шостаковича. Слушать его в одиночестве, всё равно, что бухать в одиночестве: масса удовольствия, и предсказуемые клинические последствия. Но теперь мой трёхлетний сын любит Дмитрия Дмитриевича ещё больше, чем я. Или, по крайней мере, искреннее. А всего-то надо было перед тем, как поставить пластинку, рассказать ребёнку страшную историю. И всё: «Машинаничтажения»!!! Это он имеет в виду *allegro non troppo* из 8ой симфонии. Один критик назвал эту часть «машиной уничтожения». Вряд ли Филиппок представляет себе при прослушивании данного фрагмента ужасы войны, как задумывал автор, но что-то ужасное его явно преследует. Бегает круга-

ми и орёт «Машинаничтажения»!!! Фрагмент длится минут семь. Однажды мы прослушали его шесть раз подряд. Шесть умножить на семь, – это сорок два. Сорок две минуты он бежал по кругу и орал «Машинаничтажения»!!!

Моя самая любимая симфония, – десятая. В советские времена этот химически чистый депрессняк объясняли предчувствием у Шостаковича ядерной войны. Сейчас говорят, что это Сталин с Берия так доконали беднягу. Филиппок оказался лаконичнее, всех интерпретаторов, и, мне кажется, точнее. Когда мы ставим «десяточку», он орёт «Динозавай», забирается под стол, и не вылезает всё то время, что звучит музыка. При этом, в основном, молчит. Лишь, когда я наклоняюсь к нему, «проведать», он прикладывает палец к губам, и шепчет, – «Тсс... Динозавай». Я пытался смягчить эффект. В симфонии, всё-таки есть парочка светлых эпизодов. «Смотри, Филиппок, а это, мне кажется динозавр нашёл красивый листик. Слышишь, музыка помягче стала?» ... Смотрит куда-то в пространство, отрицательно качает головой, и тихо повторяет, – «Динозавай...»

Я помню, как дошёл до этого. Давным-давно работал я в детском саду. Методички, естественно по боку. Решил просвещать детей вручную. Приволок гитару в садик, посадил вокруг себя детишек, и давай им Пиаццоллу бацать. Очень я тогда его любил. Пока шли всякие «Времена года», и «Ка-

фе» с «Ночными клубами», реакция детишек была скорее вежливая, чем заинтересованная. Но, вскоре, дело дошло до «Смерти ангела» ... Дети были уже не советские, поэтому, кто такой ангел, мне объяснять не пришлось. Я лишь сказал, – «Представляете, как было плохо композитору, если в его воображении умер ангел?» Дети пододвинулись на краешки стульев... Во время первой, очень злой и энергичной части, я наблюдал, как расширялись от любопытства их глаза. Наступила медленная часть. Дети почти не дышали... «Умел?», – спросил один из них. Я отрицательно покачал головой. «Умел?», – Следующий вопрос прозвучал буквально через две секунды. «Нет! Слушайте дальше!» «Умел?» «Дайте доиграть!» «Умел?» Детей интересовало только это. Зато я понял секрет. На следующий день я принёс кассету с Прокофьевым «Ромео и Джульетта». Хитами предсказуемо стали «Смерть Тибальда» И «Ромео у гроба Джульетты». Дальше – по накатанной: Мусоргский «Песни и пляски смерти», «Ночь на лысой горе», «Реквием» Моцарта с рассказом о «чёрном человеке», и т. д. Дети хавали кровавую классику в промышленных масштабах. Им сейчас, кстати лет по 25 должно быть. Интересно, помнят чего-нибудь?

Заветы Марьи Васильевны

Моя 4х летняя дочь вылепила медведя. В этой жизни есть вещи неизменные, например, я тоже в 4 года, вылепив кло-

уна, присундучил ему руки к животу. Не к плечам, а к животу. Но есть и стремительно меняющиеся обстоятельства. Моя воспитательница Марья Васильевна, выросшая в СССР, где кроме реализма мог быть только соцреализм, увидев эти художества, обратила мое внимание, на анатомическое несоответствие. А когда я спросил, – "Ну, и что такого?", добрейшая Марья Васильевна, обращаясь к группе, произнесла речь, кардинально повлиявшую на мои эстетические воззрения. «Ребята», – сказала она, «Посмотрите, что сделал Ванечка! Он приделал клоуну руки не к плечам, а к животу, и спрашивает, мол, а что тут такого, Марья Васильевна? А, представь, Ванечка, если я тебе сейчас руки из плечиков вырву, да к животу присундучу...» И я представил... Несчастливая Марья Васильевна (действительно, самая добрая на свете воспитательница, очень любил её) не могла успокоить меня до самого прихода моих родителей. Только рыдания и конвульсии отпускали меня, как я снова представлял, как добрейшая Марья Васильевна отрывает мне руки от плечиков, и присундучивает их мне к животу. С тех пор прошло почти сорок лет, и когда нелегкая забрасывает меня на выставку чего-нибудь современного, минуты через три, начинает дергаться глаз, и немного отдавать в ногу, потому что я снова и снова представляю, как она отрывает и присундучивает. А дочь моя живет в свободной стране. И ее воспитательницы, скорее всего, в курсе всех последних веяний современного изобразительного. Ей можно. Присун-

дучивай, Василиса!

Гомосеки

Три раза в моей жизни незнакомые, пьяные мужики зазывали меня к себе домой. Два раза это были гомосеки. Один из этих двух гомосеков пытался охмурить меня. Но, по порядку.

Пьяный мужик №1.

Мне было 14 лет. Я обожал кататься на велике. Даже пытался трюкачить. Конечно, не так, как это делает молодняк сейчас, но проехать пару-тройку метров на заднем колесе у меня получалось. И вот за этим-то занятием и застал меня пьяный мужик №1. Он курил и наблюдал за нами из окна второго этажа сталинского дома, перед которым мы с моим другом развлекались. Видно было, что он сильно пьян и чем-то ужасно доволен. Поначалу он относился к нам, как к части пейзажа. Потом, вдруг, спросил, – «Ей, пацаны! «Битлов» знаете?» Мой папа умел играть на гитаре песню «Битлз» «Girl». «Конечно знаем.» «Что за песня сейчас звучит, кто ответит?» «Не слышно. А это у вас «Битлз» играет?» «Поднимайтесь ко мне!» Обычная советская коммуналка. Дядька жил аскетично, но аккуратно. Большую часть пространства в комнате занимал огромный катушечный магнитофон и шкаф с бабинами. Он ставил нам разные композиции, и счастливо прищурившись, ждал, пока мы отгадаем, что за песня. Мы не отгадали ни разу, так как «Girl» он не

заводил, а у моего друга папа на гитаре вообще не играл. Я не выдержал, – «А что за песни странные? Никто ж не поёт!» Наконец дядькина улыбка оформилась в заразительный смех. Он ждал этого вопроса. Это был никакой не «Битлз». Выяснилось, что его любовь к «Битлам», вылилась в то, что он начал коллекционировать музыку «Битлз», исполненную инструменталистами. И сегодня он был просто счастлив, потому что ему удалось достать какую-то редкую запись двух «фьюжных» гитаристов, где они играют «Битлов». То, что мы никакие не битломаны он понял давно. Но кому-то надо же было рассказать о своём счастье!? Вот мы и подвернулись.

Я обомлел. Это был тот самый человек, о котором мы с отцом недавно говорили. Поясню: буквально вчера по телеку завершили показ фильма «Визит к минотавру». Там сюжет развивался вокруг кражи скрипки Страдивари. Гибли люди, плелись интриги, друзья предавали друг друга. И всё из-за скрипочки. «Папа, как такое может быть? Это же всего-навсего скрипка?» «Ну, это для нас с тобой, – всего-навсего. Есть люди, для которых не то, что скрипка из магазина, и скрипка Страдивари отличаются. Некоторые отличают раннего Страдивари от позднего.» «А зачем?» «Ну, как... Вот ты радуешься, когда по телеку симфоническую музыку передают?» «Нет, конечно. Кому это вообще может понравиться?» «Правильно. Ты радуешься, когда детектив по те-

леку показывают. А они, люди отличающие Страдивари от Гварнери, эту музыку слушают с таким же интересом, как ты смотришь детектив. Представляешь, насколько их жизнь интересней?» Арифметика была проста. Детективы по советскому телеку показывали раз в месяц, а симфоническую музыку каждый день, а по учебному каналу, несколько раз в день. Катастрофа. Жизнь проходит мимо. «Па, а ты таких людей знаешь?» «Сейчас нет. Раньше у нас в пионерском лагере вожатый был. Он на баяне Баха играл. Хороший парень. С припиздью, правда, немного. Его потом в психушку забрали.»

На следующий день я поехал в ГУМ и купил два диска Битлз: 1 «A Hard Day's Night» и 2 «A Taste of Honey». Через неделю, на мой день рождения, мне подарили магнитофон. Теперь я музыкант. Отличаю палисандровую гитару от кипарисовой даже по телефону. Симфоническую музыку слушаю так, как будто смотрю блокбастер. Правда, учебный канал ликвидировали, и по телеку одни детективы. Возможно поэтому, иногда хочется найти этого меломана сраного и проломить ему череп.

Пьяный мужик №2.

В 2000ом году я вернулся на Родину после трёх лет разлуки с ней. Эти три года я провёл в Германии, в самой, на тот момент, комфортабельной для проживания стране. Успел привыкнуть к хорошему. По приезду «Матушка Русь» нокаутировала меня года на полтора. Потом, конечно, постепенно, я отошёл. Сам влился и в коллектив, и в процессы. Но тогда! Тогда я был фраппирован буквально всем. И, конечно, самое первое, что бросалось в глаза, это – количество безобразно пьяных людей на улице. Второе, – проблемы, волнующие население. В Германии, например, по центральному телевидению, в самом рейтинговом ток-шоу, темы для обсуждения были примерно такими «Моё домашнее животное – толстое.» То есть, сначала приходит тётка с жирным котом. Плачет о нём. Потом подключается кошачий психолог. Излагает свою версию кошачьего горя. Потом кошачий диетолог. Естественно, у него взгляд иной. Потом приходит тётка с пузатым хомяком. Та же фигня, только у хомяков и котов психологи и диетологи разные. Потом рыбки, черви, тритоны... И это реально волновало всех немцев. У нас в подобных телепередачах тогда обсуждали, если помните, такое: была ли изнасилованная полковником Будановым, чеченская девушка, снайпером? И сколько зарубок на прикла-

де винтовки увидел он прежде, чем схватиться за черенок от лопаты? Наш фильм «Дом дураков» с разницей в несколько месяцев вышел на экраны с французским фильмом «Амели». У нас в кино все, и удалбанный русский офицер, и чеченцы и психи из дурдома, весь фильм решают одну единственную задачу, – выжить. В фильме «Амели», главная проблема папы Амели, – пропавший гипсовый садовый гном, который чуть не каждый день шлёт ему открытки из разных городов мира. Папа Амели катарсировал. Я так долго об этом вспоминаю только для того, чтобы понятней была мизансцена, с которой началось моё знакомство с пьяным мужиком №2.

Шёл десятый день моего нового знакомства с Россией. За неделю до этого я бросил пить. Тогда я думал, насовсем. Мама послала меня за арбузом. Ближайшая клетка с арбузами находилась именно у того сталинского дома, где меня приобщили к музыке. Очередь, человек семь. Есть время. Я уже приготовился вспомнить, и, естественно, обобщить и это событие, и его последствия. Но зрелище, от подобных которому, я успел за три года отвыкнуть, перечеркнуло мои рефлексии. На глазах у всей очереди, метрах в пяти от неё, на угол того самого жёлтого сталинского дома ссал человек... Он был толст, не молод, и сильно пьян. Его хаотичные покачивания и подёргивания более или менее систематизировала струя. Иногда он прерывал процесс, и тогда амплитудный хаос возвращался. Потом возобновлял его, и тогда век-

тор реактивности вновь придавал системе устойчивость. Я, буквально, был загипнотизирован этим перформансом. Сергей Шнуров подобное состояние у наблюдающего называет «эсхатологическим восторгом». Ну, это когда ты глядишь на ядерный гриб, и, понимая, что тебе пиздец, всё же, глаз оторвать от него не можешь.

«Художник?», – это моё внимание заметил ссущий человек, и, не прерывая процесса, обернувшись к очереди и ко мне (хвала богам, только головой), спросил, – «Художник?». «Не понял?» «Я говорю, – художник? Глаз у тебя такой... Художественный...» «Нет, музыкант.» «Я так и знал. Работу ищешь?» Ну, конечно, я искал работу. Покажите мне музыканта, который её не ищет. А тут ещё три года на чужбине. «Да.» «Минутку подождёшь меня?» И всё это он говорил «сся», если можно образовать такой деепричастный оборот, и на глазах у всей очереди. Эсхатологический восторг уступил место стыду. Но я действительно искал работу, и, как начинающий фаталист, не мог не понимать, на какой дом он ссыт. Когда всё было кончено, я уже купил арбуз, и предусмотрительно взял его обеими руками. «Дима! Концертный директор Льва Валерьяновича Лещенко.», – протянул он руку. Я, кивнув на арбуз и занятые руки, представился. Дальше, буквально в течение трёх минут, выяснилось, что ему срочно надо добавить, а денег нет, что я не пью и денег не дам, и что он химически чистый гомосек, а книжка с Лёв-

киным телефоном осталась дома, так что придётся зайти к нему в гости. На пути к его дому стоял стеклянный полупарёк-полумагазин. Он сказал, чтобы я подождал его снаружи. Через стеклянные стены было видно, как он попрошайничал. Привычная к таким делам продавщица не шевелилась. И вдруг, он начал аргументировать мной. А именно: бухнулся перед прилавком на колени и стал много и, судя по дёргающемуся затылку, эмоционально, говорить, то воздевая обе руки к продавщице, то, ими же, показывая в мою сторону. Продавщица ожила, и принялась внимательно разглядывать меня сквозь стеклянную стену. Диму, судя по всему, несло. В течение минуты кривая тёткина ухмылочка превратилась в полноценный златозубый гогот. (К чувству стыда постепенно подмешивалась жалость. Обычный толстый стареющий гомосек. Лет пятьдесят пять мужичку уже было. Если он и работал когда у Лёвки, давно уже уволен за какой-нибудь дебош. Ладно. А вдруг?) Она в последний раз игриво глянула на меня, дёрнула плечиком, и выставила Диме фунфурик. «Пол дела сделано, – сказал он, выходя из ларька, – Пошли ко мне.»

Понятно, что «лёвкин телефон» сначала никак не мог найтись, а потом, когда я засобирился домой, нашёлся, но коварный Лёвка не брал трубу. Я заскучал, а, постоянно поддающий Дима, поминутно косел. «Алё! Алё! Ираида Феодосьевна, а где Лев Валерьянович?... Как на Карибах? ... По-

завчера ж только... А мои отпускные? ...Как через две недели?» «Слушай, Дим, я пойду. Правда, пора мне.» «Стой! Последний шанс! Что ты знаешь о себе?» «В смысле?» «Дай мне пять минут. Всё поймёшь сам.» Дима отошёл в сторонку. Следующая сцена во многом напоминала сцену в стеклянном магазине, только Дима на этот раз, общался с каким-то высшим существом. Богом, дьяволом, – не знаю. Но общался, судя по всему, не впервые. Он так же, как перед прилавком, шмякнулся на колени, так же, воздевал руки то к сверхсуществу, то ко мне, а поскольку стеклянной стены между нами теперь не было, я, сквозь невнятное мычание и шлёпанье губами, всё-таки кое-что слышал. «Шлёп, шлёп, шлёп... Ну я прошу тебя!.. Шлёп, шлёп, шлёп... Ну в последний раз! ... Ну, для меня! Ну... Шлёп, шлёп... Ну, пожалуйста!.. Ну, ты видишь, что творится?!» Видимо, дьявол сжалился над Димой, потому что тот, вдруг вскочил с колен, и запрыгал на месте, как 8-летний мальчик, которому подарили щенка. Потом закрыл глаза, протянул ко мне руки, и начал щупать вокруг меня воздух. «Дим, тронешь меня, – я об твою голову табуретку разобью!» «Тихо! Не мешай! Минуту стой спокойно!» Сеанс погружения в мою судьбу был окончен. Дима, по-чумаковски встряхивал руками, и, коварно улыбаясь, заговорил: «А ты, значит, говоришь, один ребёнок в семье?» «Один, только я тебе об этом не говорил» Дима высокомерно хмыкнул, подмигнул дьяволу, жестом показал, что в долгу не останется. «Я ничего тебе не расскажу.

Хочешь идти домой. – иди. Ты ведь к маме пойдёшь? К маме... Арбузик ей купил, да? Арбузик... Вот отдай ей его. А когда она будет в раковине, на кухне, мыть арбуз, ты так, тихонечко подойди сзади... Только смотри, чтобы арбузик-то в раковине был... Не в её руках... Обидно будет, если он разобьётся... Подойди, и так, тихо-тихо, но быстро-быстро... И спроси, – «Мам, а где братик?»»

Пока я ржал, Дима остаканился и сомлел. Обошлось без табуреток. Каждый раз, когда я ссорюсь с мамой, мне хочется выкинуть этот фокус. Пока не решился.

Пьяный мужик №3

Шёл 2015 год. Мы уже вляпались в Украину, поэтому корумпированный чиновник, от сумасбродств которого напрямую зависит благосостояние кабацкого музыканта, стал считать деньги. Помните, как в «Жестоком романсе» (фильме Эльдара Рязанова 1984го года, снятого по мотивам пьесы Александра Островского «Бесприданница»)? «... барин, барин приехал. Почитай целый год его ждали!» Вот у нас таких «бар» до 2014го был целый полк. И все разные, да не простые! С подвыподвертом! Так, на глаз и не определишь, рублём он тебя одарит, или в батоги, да в Сибирь в кандалах. Например: торжественная кабацкая солянка. Наш дуэт десятый по счёту. Где-то между Вилли Токаревым и «Не парой». У нас 15 минут, чтобы произвести впечатление. Напарник мой был не в духе. Играл отвратительно. Когда такое случилось, я старался в его сторону не смотреть. Слишком уж гневлив мой взгляд получается. Но, видя, что я гляжу куда угодно, только не на него, напарник ещё больше нервничает, потому что понимает, причину, по которой я не смотрю на него, и «клубок лжи» из-под его пальцев растёт. Ведь не желание моё смотреть в его сторону, он воспринимал, как личное оскорбление, как мою боязнь сделать хуже, но типа, — куда уж хуже? И «клубок лжи» разрастался с удвоенной си-

лой. В общем, – катастрофа. А публика вся сплошь из «списка Форбс». Ну, думаю, – последний день мы тут работаем. И вдруг встретился я взглядом с каким-то Чингизидом из зрительного зала и из «списка Форбс». Ну, как встретился? Предположим, я – зайчик. Прыг, такой из-за дерева, а на меня двустволка из кустов глядит. Вот, за секунду до того, как башка разлетится, он, зайчик, тоже, наверное, подумал, что встретился с кем-то взглядом. А Чингизид, так привычно, одной бровью, отдал своему богатуру приказ, и тот двинулся к нам. Ну, ни дать, ни взять, Челубей с картины Михаила Ивановича Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле». Поднимается этот самый Челубей прямо к нам на сцену. Ай, думаю, как скверно. Напарник-то мой уже совсем на какие-то «пёсьи модуляции» перешёл. Что ж, думаю, вот под этот аккомпанемент, да на глазах у богатейших людей моей Родины, и придётся буйну голову сложить. Челубей наклонился к моему уху. Ну, думаю, правильно. В начале всех дешёвых боевиков, чтобы показать, какой крутой у нас злодей, показательно мочат мелких гангстеров, а перед этим, им, мелким, косячным гангстерам, всегда говорят за что их сейчас мочканут. А он так, неожиданно, – «Хозяин хочет знать сколько вы стоите?» Э, да не так всё просто! Я сейчас скажу, а он такой, – «Это ты так думаешь братан, а вот тебе то, что ты на самом деле заслужил», и так, одним копьём нас с напарником, как на шашлык, -ррраз! И приподнимет, да потрясёт ещё, как Илья Муромец в одноимённом кино-

фильме Александра Птушко 1956го года, печенегов приподнимал и потряхивал. Ну, я на всякий случай, назвал сумму поменьше. А вдруг смилостивится, и просто задушит? «Вот адрес, – говорит, – завтра надо быть в 20 00. Это тверская область. Выезжайте часов за пять.» Чудны дела персонажей твоих, «список Форбс», думаю. На следующий день, в тверской области на том самом, чингизидском корпоративе, как подошла наша очередь, напарник мой начал творить чудеса. И как не было 5ти часов за рулём. Руки разогреты, как у карточного шулера, мозги ясные, как у финского банщика. Что ни фраза – шедевр. Если домашняя заготовка, или вообще, заученный текст, звучит, как на пластинке. Если импровизация, то смелая и оригинальная. Короче, в таких случаях у нас говорят, – «... брат месит, не вынимая...» Боюсь сглазить. На него опять не гляжу. А он это понимает. Но так он в своей звезде уверен, что в каждом звуке слышится, – «Можешь смотреть на меня, брат, можешь не смотреть. Сегодня моими руками с тобой говорит создатель. Так что, расслабься, слушай и запоминай.» Очнулся я от того, что увидел Челубея, поднимавшегося к нам на сцену. «Хозяин хочет знать, кто вы такие, и как сюда попали.» Я, не переставая играть, объяснил. «Сколько вы ещё будете играть?» «Так мы только начали. Минут десять, наверное.» «Заканчивайте прямо сейчас, и уезжайте. Сколько мы вам должны?» ... Я, на всякий случай, назвал сумму поменьше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.